

3) прастамоуная форма імя – *Агана, Мітрахван, Хведар* і інш.

Глыбінная далучанасць пісьменніка да жыцця беларускага народа, яго жывой мовы абумовіла шырокае выкарыстанне у мове трылогіі дымінутыўных формаў – *Антосік; Васілек, Васілёчак, Вась; Верачка; Гануля, Ганулька, Ганначка; Хадзюля, Хадоська* і інш. Прычым асобныя з іх з’яўляюцца полісемантычнымі, напрыклад, *Верачка* – імя дачкі *Ганны* Чарнушкі і *Верачка* – імя каханкі *Яўхіма* Глушака, якія атрымліваюць кантэкстна розныя “семантычныя вырашчэнні”: у першым выпадку маем справу з указаннем на ласкавасць маці да свайго дзіцяці, у другім – на добразычлівую усмешку *Ганны* Чарнушкі з прычыны новага захаплення *Яўхіма* Глушака.

Выбар уласнага асабовага імя, як і іншых намінацый літаратурнага персанажа, – працэс аб’ектыўна-суб’ектыўны: аб’ектыўны, паколькі падбіраецца канкрэтны онім у залежнасці ад агульнасці/неагульнасці класіфікацыі у яго план зместу моўна-вобразную асацыятыўнасць, якая у той або іншай меры будзе прадвызначаць значымасць літаратурнага персанажа; суб’ектыўны, паколькі кожнае імя уведзіцца у мастацкі тэкст па волі пісьменніка, які шукае і знаходзіць адпаведнае імя.

Літаратура

1. Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія. Уласныя асабовыя іменны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 328 с.
2. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Мезенка Г.М. Беларуская анамастыка: Навуч. дапаможнік для студэнтаў ун-таў. – Мінск: Выш. шк., 1997. – 119 с.
4. Мележ Іван. Збор твораў: У 10-ці т. – Мінск: Маст.літ., 1981. – Т.5. – 415 с.; 1982. – Т.6. – 573 с.; 1983. – Т.7. – 558 с.
5. Шур В.В. Анамастычная лексіка ў мове беларускай мастацкай літаратуры: Дыс. ... доктара філал. навук: 10.02.01. – Мінск: БДУ, 2004. – 209 с.

Т.Г.Трофимович (Беларусь, Белорусский государственный университет имени Максима Танка)

СТАРОРУССКИЕ ФАМИЛИИ В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Известно, что до сих пор не решены многие проблемы ономастики. Например, пока нет однозначного ответа на вопрос о том, есть ли у имени собственное значение и каков его объем. В настоящее время все чаще исследователи склонны усматривать в имени собственном значение, приводя его к паритету денотативного и сигнификативного компонентов. Если это так, то оним может быть при определенных условиях подвергнут полноценному лексикологическому анализу в ономасиологическом аспекте, как и апеллятивные имена [1].

Такой анализ принципиально возможен, но полноценно и корректно осуществим только с пониманием того, что онимы генетически и функционально вторичны по сравнению с именами нарицательными. У имен собственных и у апеллятивов существуют значительные расхождения в частотности употребления, что позволяет говорить об определенных ономастических закономерностях [2, с. 473]. Все это, определяя специфику имени собственного, не отрицает возможности применения той же процедуры ономасиологического анализа, которая реализуется по отношению к имени нарицательному.

Мы осознаем, что тотальное привлечение ономастического языкового материала к проводимому нами исследованию невозможно и нецелесообразно. Уместным оно нам кажется в тех случаях, когда в имени собственном отражены общие с именами нарицательными коминативные механизмы и деривационные связи. В этом смысле особенно существенным является, на наш взгляд, подтверждение в именах собственных концептуальной значимости тех или иных признаков, привлекаемых в именовании в системе апеллятивов. Ведь присвоение собственного имени – особый вид деятельности языковой личности, продиктованный общественной необходимостью различить однородные объекты, а различить их можно, только обратив внимание на их реальные признаки или условившись об их наличии. Так, называя определенное место в лесу *Осечнице*, человек подразумевал, что когда-то там был *осек*

(рубленая изгородь), в то время как фамилия (прозвище) *Грязной* предполагала своего рода частное восприятие возможных качеств человека.

Следует указать также, что имена собственные составляют особый пласт номинативных средств языка вообще и старорусского делового языка в частности. Содержание документов подразумевало использование большого количества антропонимов (фамилий, имен, прозвищ, реже отчеств). При этом структура многих имен собственных позволяет связать их с апеллятивом, подвергшимся онимизации и не всегда сохранившимся среди апеллятивов в последующем. Другими словами, имена собственные тоже могут быть использованы в анализе производных наименований, правда, в нашем случае, в качестве вспомогательного доказательного средства. Для этого годятся имена собственные, происхождение которых не требует этимологизации, поскольку они возникли путем онимизации апеллятивов. Именно поэтому возможно с определенными оговорками рассматривать ономаσιологическую структуру онима, подразумевая, что она является проекцией ономаσιологической структуры имени нарицательного. Есть все основания считать, что присвоение собственных имен происходило и происходит в общем русле номинативной деятельности языковой личности, а их лингвогенез определялся и определяется действующими закономерностями возникновения единиц именования.

Содержащийся в языке старорусских документов ономастический материал свидетельствует о том, что объектные наименования нередко вовлекались в процесс онимизации. Прежде всего это относится к именам лиц, называвших людей по профессии, роду занятий. Эти апеллятивы становились прозвищами, а затем фамилиями в неизменном виде или на их базе возникали посессивные образования. Антропонимы такого характера составляют заметную часть в общей системе старорусского антропонимикона. Нами зафиксированы такие, например, прозвища и фамилии: *Бортник, Баранник, Банник, Блинник, Бочар, Бочарник, Гребенник, Дегтярь, Зелейщик, Золотарь, Иконник, Калачник, Колашник, Ложник, Масленик, Рыбник, Ситник, Овчинник, Овсянник, Пирожник, Пушкарь, Чеботарь* и мн. др. Подобные имена собственные широко представлены в памятниках деловой письменности, содержание и назначение которых подразумевало последовательную идентификацию участников правовых процессов. Поручную запись 1612 г., например, среди других подписали *Савостя Кожевник, Созон Гончар, Гриша Колачник, Горасим Масленик*. Памятники письменности дают возможность считать, что подобные наименования не называли человека по роду его деятельности, а служили прозвищами и/или фамилиями. Например, читаем: *Да ис кобацких целовальников Саву Пирожника дав на поруку... ПЮН-90, 72, 2. Таво ж числа приехал ис Курска воронапскои жилиец Василеи Сальник, товару у него бочка масла да бочка сельдеи. ПЮН-ТК, 4, 7.*

Многочисленные фамилии представляли собой по происхождению притяжательные прилагательные, восходящие к названиям лиц по профессии и роду занятий: *Бердников, Гусельников, Гусятников, Бортников, Ножевников, Кафтанников, Ключников, Кожевников, Мясников, Овчинников, Сабельников, Седельников, Свечников* и др. Ясно, что вначале возникали апеллятивы типа *бортник, мясник*, затем они становились прозвищами и только потом по образцу *чей сын* появлялись фамилии *Бортников, Мясников* и им подобные. В деловом языке зафиксировалось то состояние русского антропонимикона, когда велика доля параллелей типа *Бочарник — Бочарников, Гребенник — Гребенников, Иконник — Иконников, Колесник — Колесников, Крашенинник — Крашенинников, Плотник — Плотников, Солодовник — Солодовников, Чеботарь — Чеботарев*. По сути можно говорить о том, что в системе русских фамилий оказываются достаточно полно представлены единицы объектного типа, пережившие процесс онимизации.

По образцу притяжательных прилагательных возникло и большинство русских фамилий. Идея принадлежности реализовывалась в них в разной форме, однако в любом случае подобные фамилии называли человека, отвечая на вопрос, чей он или чьих он, кого он сын (*Иванов, Сидоров, Никитин, Ванин, Черных, Седых, Дурново, Хитрово* и т. д.) [3, с. 8; 4, с. 8]. Проведены наблюдения над принципами присвоения фамилий, зафиксированных в переписной книге Ярославля 1671 г., и установлено, что из 11 позиций в 6 реализована идея посессивности [5, с. 9]. Эта закономерность отмечена давно.

Исследование возникновения подобных имен собственных приводит нас к необходимости установления суффиксов тех притяжательных прилагательных, к которым эти

Антропонимы восходят. В свое время А.Селищев, П.Кузнецов отмечали, что различие притяжательных суффиксов объясняется в одних случаях тем, что эти форманты восходят к разным историческим пластам, в других – различиями тех основ, от которых эти суффиксы образуют притяжательные прилагательные [6, с. 145]. Отмечена исключительная значимость древнего суффикса *-j-, который реально выступал в виде -ъj- (*волчий, леший*) или -jъ-, и суффиксов *-ov-, * -ev- [6, с. 146]. Указанные суффиксы образовывали притяжательные прилагательные, которые изначально в составе неоднословных наименований типа *Иванов сын, Ярославль город, Абрамово село* эксплицитировали посессивный признак. Затем в результате пертыпания указанных бивербов возникают онимы, которые в дальнейшем служат образцом для возникновения подобных им единиц.

Собранный и проанализированный ономастический материал показывает, что подавляющее большинство фамилий представляют собой онимизированные притяжательные прилагательные с суффиксами -ов-/-ев-, -ин-: *Абрамов, Авдеев, Алексеев, Афанасьев, Васильев, Патрикеев, Радионов, Юрьев, Степанов, Трофимов* и др.; *Кузьмин, Ермолин, Ильин, Никитин, Милин* и многие другие. Такие фамилии могли образовываться от канонических христианских имен (*Алексей, Авдей, Василий* и т. п.), а также от прозвищ: *Воронин, Дубровин, Воронцов* и т. п. Продуктивным способом образования фамилий был и такой, когда посессором выступал человек, названный по роду своих занятий, профессии, по званию, по характеру родственных отношений. Именно такие наименования могли становиться прозвищами или не становиться ими, но функционально совпадать с таковыми. Так появлялись посессивные патронимические образования *Княжнин, Дохтуров, Бабин, Дядин, Банников, Дяков, Игумнов, Дворников, Ложевников, Калачников, Казаков, Лекорев, Мукосеин, Мильников, Овчинников, Поварнин, Явбников* и др.

Продолжать анализ особенностей антропонимов-фамилий нет необходимости ввиду того, что этот вопрос хорошо изучен в большом количестве ономастических исследований, в которых подтверждается не только преобладание патронимических моделей возникновения, но и факт продуктивности образований с определенными деривационными средствами. По свидетельству А.Мезенко, 32 % белорусских фамилий и 76 % русских появились как патронимические дериваты с суффиксами -ов-, -ев-, -ин [7, с. 62]. Для нас важно, что с ономасиологических позиций такие фамилии представляют собой наименования, возникшие с привлечением признака по принадлежности.

Известно, что русско-белорусское антропонимическое пространство имеет не только много общего, но и много различий. Применительно к фамилиям речь идет о широком распространении в белорусской среде патронимов с суффиксами -ович-/-евич-, -онок-/-енок-. В старорусских деловых памятниках такие единицы практически полностью отсутствуют. Редкие исключения составляют те документы, в которых упоминаются южнорусские и белорусские территории. Так, например, в Таможенных книгах города Великие Луки записаны два полоцких мещанина: *Люткович, Крадеченок*. В изданиях Памятников южновеликорусского наречия упоминаются *стрелец Тюмиренок, курченин Болтенок, ливенец Борзенок, Данило Тюденок, Иван Симоненок (ПЮН-ТК)*. Подобные прозвища или фамилии являлись одним из способов экспликации в наименовании идеи отношений между старшим и младшим, отцом и ребенком, сыном. Не случайно суффикс -онок-/-енок- активно использовался и используется при возникновении названий детенышей животных и молодых существ.

Таким образом, фамилии могут быть проанализированы с ономасиологических позиций. Подобный анализ старорусского материала указывает на то, что эти антропонимы относятся с производными наименованиями объектного и посессивного типов.

Литература

1. Трофимович Т.Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности. – Минск, 2003.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
3. Никонов В.А. Словарь русских фамилий. – М., 1993.
4. Федосюк Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. – М., 1996.
5. Куратов А.А. Севернорусская ономастика // Живое слово Русского Севера – Архангельск, 1998.
6. Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. – М., 1959.
7. Мезенка Г.М. Беларуская анамастыка. – Мінск, 1997.